

Ха-ха-ха-ха... А я ведь и вправду верил, что ты мне друг... Я..."

Только что вернувшись с края гибели, пережив мгновенный переход от смерти к жизни, я смотрел на ошеломлённое лицо Хока и не мог сдержать слёз.

До чего же жалок! Расклеился перед тем, кто только что предал тебя!

— Каким образом тебе досталось Сердце Света? — голос Хока по-прежнему звучал жёстко, но в нём хотя бы появилась толика живых человеческих интонаций.

— Добыл. Мне его подарили. Чего уставился, завидно? — злобно огрызнулась я на Хока. — Стоило мне только зайти в игру, как я угодила в Деревню Чумы. Сотню раз умирала от болезней, сотню раз падала замертво от усталости, сотню раз погибала от голода и жажды. Не выучила ни единого навыка, не получила ни медной монетки, не подняла ни одного уровня! Меня ещё и угораздило попасться кому-то в лапы в качестве Кровавого Раба, а потом ты устроил на меня охоту — и всё из-за какой-то штуковины. Да я вовсе не навязывалась! Алллан сам силой всучил мне её, я всего лишь по доброте душевной похоронила его. За что вы все так со мной? Что я сделала не так?

Я была не в силах одолеть Хока, а он не мог убить меня. Но меня снедали обида и гнев, и накопившиеся за последние дни страдания прорвали плотину, выплеснувшись наружу в одно мгновение.

Больше не обращая внимания на Хока, я обхватила колени руками и горько расплакалась прямо на земле.

Слёзы лились ручьем. Пару раз Хок пытался дотронуться до меня, но я отмахивалась. Он протянул мне платок — я смахнула его на землю. Наконец, выплакавшись донельзя, я затихла. Неизвестно откуда Хок извлёк флягу с водой и протянул её мне.

Сейчас мне претила любая его забота, я упрямо отворачивалась, даже не глядя в его сторону, и лишь молча утирала невысохшие слёзы.

— Прости меня... Кажется, я во всём ошибался насчёт тебя, — голос Хока звучал несколько сдавленно; похоже, извиняться ему было непривычно.

В груди у меня шевельнулось робкое облегчение. Выходит, всё это лишь недоразумение, и Хок вовсе не собирался меня предавать. Но в то же время сердце болезненно сжалось при мысли, что из-за простого недопонимания он поднял на меня меч и едва не лишил жизни. Это открытие ранило меня куда сильнее, чем настоящее предательство.

— Ты... ты чего опять ревёшь?! — на этот раз Хок совсем растерялся.

Женские слёзы в момент сильнейшего эмоционального потрясения — это река, которую невозможно перекрыть. Тут тебе не цигун боевых искусств, где энергию можно подчинить своей воле и легко вернуть под контроль. Мои чувства были накалены до предела, и любой пустяковый повод снова выжимал из глаз слёзы. Подумаешь, мне самой хочется реветь, что ли? От этой мысли Хок показался мне ещё более бессердечным, и обидные слёзы закапали с новой силой.

Заметив, что я разрываюсь пуще прежнего, Хок и вовсе не рискнул меня утешать. Он присел на корточки неподалёку, обняв свой топор, и ждал, пока мои всхлипывания не стихнут. Дождавшись, он извлёк из рукава кинжал и глухим голосом произмолвил:

— Этот кинжал мне знаком. Хотя он и покрыт кровавой ржавчиной, я всё равно узнал вещь Секса.

Я тут же перестала плакать и шмыгнула носом, уставившись на Хока. Надо же, кинжал, который я с таким трудом откопала в комнате старосты, принадлежал Сексу.

Увидев, что его слова переключили моё внимание, Хок продолжил:

— Если подумать, это странно. Сейчас любая вещица Секса в игре — бесценное сокровище. Сколько людей сбились с ног в её поиски, а найти не могут и половины, у тебя же на руках внезапно оказалось сразу две. Причём обе имеют огромное значение для самого Секса. Это невольно заставляет меня подозревать тебя в причастности к его смерти.

Хок задумчиво вертел в руках кинжал, словно редчайшее произведение искусства:

— Пусть на людях Секс всегда гордо носил в руках Святой Меч Света, я не раз видел, как, отправляясь качаться в одиночку, он сжимал в кулаке именно этот кинжал. Тебе не любопытно? Кто в здравом уме станет всюду таскать с собой кинжал, полученный в самом начале в деревне новичков? Я много раз просил его дать мне взглянуть на этот клинок, но он, при всей своей щедрости, неизменно отказывался даже позволить мне коснуться его. И чем сильнее был его отказ, тем большими темпами рос мой интерес — настолько сильный, что брось его в кучу других новичковских кинжалов, я всё равно безошибочно узнал бы его. Так что можешь представить моё потрясение, когда я увидел его у тебя.

021 Оценка

— Этот кинжал я нашла в комнате деревенского старосты Аллана и понятия не имела, что он принадлежит Сексу, — мой голос всё ещё слегка подрагивал, но в целом душевное равновесие восстановилось.

— Вот как? — вздохнул Хок. — Подумать только, у старосты какой-то жалкой деревни новичков хранилось столько вещей Секса. Узнай об этом раньше — и твою деревню новичков наверняка разнесли бы толпы желающих.

— Возможно. Хотя моя деревня новичков была довольно странной: кроме меня, игроком там был только староста. Из наших разговоров я сделала вывод, что это родная деревня Секса, где он появился на свет. Накануне смерти он вернулся туда и отдал Сердце Света старосте. А потом, по неизвестной причине, деревня превратилась в Деревню Чумы. Все жители погибли, и лишь староста уцелел благодаря Сердцу Света. Под конец он передал его мне и тоже умер, после чего я покинула деревню. Сразу за её пределами начиналась Мертвая Пустыня. Я заблудилась в песках, где Сыноэнь увидел, как я воскресла благодаря Сердцу Света. Вот он и превратил меня в рабыню, потребовав отдать Сердце Света в обмен на свободу. Но эта реликвия уже слилась с моим телом воедино, и отказ от неё равносителен принудительному удалению персонажа. Так что я никак не могла согласиться на условия Сыноэня.

С этими словами я беспомощно горько усмехнулась.

— Фей, я хочу увидеть духовный меч внутри твоего кинжала. Ты согласишься на мою просьбу? — с некоторым напряжением спросил Хок, поглаживая клинок новичка.

— Кинжал и так у тебя в руках, зачем спрашивать моего разрешения? — удивилась я.

— Хозяйка-то этого кинжала ты.

— Ох, вот оно как... Ну тогда дарю его тебе.

Хотя после известия о том, что клинок принадлежал Сексу, моё отношение к нему изменилось, для Хока эта вещь явно представляла куда большую ценность, и я с радостью была готова пойти ему навстречу.

Однако Хок вовсе не обрадовался. Напротив, он удручённо покачал головой:

— Твоя кровь упала на этот клинок, он уже признал тебя хозяйкой.

А? Разве бывает такое счастье?

— Хок, ты уверен? Судя по моему опыту в сетевых играх, оружие, способное признать хозяина, по определению не может быть плохим. Я протаскала этот кинжал за пазухой порядочно времени, и, кроме прибавки к атаке плюс три, его единственным достоинством была абсолютная неразрушимость. Разве такая вещь может выбирать владельца?

— В глазах таких обывателей, как вы, этот кинжал действительно выглядит заурядно. Но для меня, мастера-оценщика, он — нечто из ряда вон выходящее, — заявил Хок.

— Разве эту вещь обязательно должен был изучить оценщик? В описании кинжана ни слова не было о том, что он нуждается в идентификации.

— Так называемый оценщик вовсе не сводится к тому, чтобы докачаться до нужного уровня и погладить снаряжение ради опознания. Уровень — лишь символ статуса, он не заменит глазомера, жизненного опыта и аналитических способностей оценщика. Совсем как в реальном мире: обычный человек видит перед собой простой глиняный кувшин и не в силах отличить древний антиквариат от подделки и оценить его реальную стоимость. Стоит же отдать вещь торговцу-антикварчуку, как её ценность мгновенно меняется. В реальности ведь тоже на сосудах не пишут, что им требуется оценка.

— Но то реальность, а здесь — игра!

— После того как ты только что попыталась прочесть заклинание, неужели ты до сих пор не заметила ничего особенного?

Я немного подумала и ответила:

— Чтобы заклинание сработало, мне нужно сначала заучить его наизусть, а потом произнести.

Меня внезапно озарило, и я в изумлении спросила:

— Хочешь сказать, в этой игре все навыки нужно заучивать вот так, по одному, чтобы ими пользоваться?

— Именно так! А ты думала, почему у многих столь высокий уровень, а арсенал навыков до смешного мал? И почему в этой игре так удручающе мало тех, кто сменил класс? Сложность заданий на смену класса — лишь одна сторона медали. Другая заключается в том, что от игрока требуется колоссальный объём игровых знаний. Все приходят в игру развлекаться, кто станет целенаправленно зубрить тонны заклинаний и теории? Именно поэтому магов в Ветрах и Облаках так катастрофически мало. Им приходится заучивать горы формул и тренировать медитацию ради контроля над магией. Разумеется, эта скучная учёба не идёт ни в какое сравнение с боевыми классами, где можно напрямую оттачивать удары телом, поэтому они куда популярнее.

— Получается, таким оценщикам, как ты, тоже приходится изучать гору всего и осматривать тысячу вещей, совсем как тем торговцам древностями из реальной жизни, чтобы повысить ранг?

— Точно! — с гордостью подтвердил Хок. — Людей с профессией оценщика в игре и вовсе единицы. По правде говоря, если бы Секс время от времени не подкидывал мне всякую диковинку на экспертизу, я бы до сих пор прозябал в ранге старшего оценщика. Ума не приложу, где этот парень выискивал столько дивных сокровищ.

Я мысленно усмехнулась. Секс был хакером номер один в мире, для него не существовало неприступных сетей. Даже такую игру, как Цзянху, управляемую высшим цифровым разумом, он изучил вдоль и поперек. А Ветры и Облака? Сейчас в ней у NPC лишь зародилась жизнь, но

главный сервер — всего лишь продвинутый ИИ, лишенный истинной души. Для Секса подобная игра — проще, чем зайти в собственный дом. Разве сложно ему было добыть парочку редких вещей?

Разумеется, озвучивать эти мысли Хоку я не стала, а потому вернулась к нашему прерванному разговору:

— Раз так, неужели ты разглядел в этом кинжале нечто невероятное?

— Для этого мне нужно применить навык оценки.

— Так давай же, скорее оцени его!

— Но если я применю оценку, то лишусь возможности увидеть тот самый духовный меч, который так жажду, — с досадой отозвался Хок.

— Из-за того, что клинок признал меня хозяйкой?

— И из-за этого тоже, — пояснил он. — Духовные мечи рождаются по образу и подобию своих хозяев. Общаясь с владельцем, клинок впитывает его влияние на подсознательном уровне, и в каком-то смысле духовный меч — это слепок души хозяина. После смерти владельца духовный меч погружается в спячку, и все необычайные свойства оружия угасают. Мой навык оценки способен пробудить дух клинка, благодаря чему проявятся все его скрытые таланты. Это и называется успешной идентификацией. Но стоит духу меча пробудиться, как он начнёт меняться под стать новому хозяину. Мне же необходимо увидеть первозданный дух, сформированный по образу Секса.

— Раз это всего лишь дух меча, живым человеком он не станет. Даже если ты мечтаешь увидеться с Сексом, перед тобой предстанет лишь призрачный фантом. Пытаться утешить себя этим... По правде говоря, такое поведение больше подошло бы безутешному любовнику, а не обычному другу, — осторожно заметила я, мысленно молясь, чтобы мои слова не привели гнома в ярость.

Хок шлепнул себя по лбу и закатил глаза:

— О Создатель, Фей, я заметил, что у тебя жуткая мания сводить отношения двух мужчин к чему-то противоестественному.

В душе я была склонна согласиться с Хоком, но всё же считала виноватым Секса — нечего было подсовывать мне те романы.

— Я просто нахожу их похожими... — пробормотала я.

— Как бы то ни было, вынужден тебя разочаровать, — с сожалением вздохнул Хок. — Желание увидеть духовный меч вызвано тем, что в нём хранятся воспоминания о самых последних мгновениях жизни его владельца. Вот что интересует меня больше всего. Быть может, это подскажет мне разгадку гибели Секса.

Трагическая гибель друга волновала его точно так же, как и меня, поэтому я тут же поторопила его:

— Раз так, давай быстрее проводи свою оценку!

Хок с сомнением посмотрел на меня:

— Но клинок уже твой. Если я пробужу его силой, не позволяя перестроиться под нового владельца, дух меча может пострадать. В результате оружие потеряет в ранге или и вовсе скатится до банального новичковского ножика.

Я спокойно улыбнулась:

— Божественное оружие, конечно, ценно, но искренняя дружба куда дороже. И твоя дружба с Сексом, и наша с тобой ценнее любого клинка.

— Фей, искренне благодарю тебя. Я не посрамим эту дружбу.

По блеску в глазах гнома я поняла, что в этот момент заслужила его подлинное доверие. От такого взгляда мне стало немного не по себе. Кинжал новичка всегда казался мне проходной железякой; даже узнав, что он принадлежал Сексу, я видела в нём лишь памятный сувенир. Я никогда не воспринимала его как реликвию и не ведала о его силе, а потому рассталась бы с ним без малейшего сожаления. Но Хок отреагировал на мои слова с такой искренней благодарностью, вложив всю душу в память о Сексе и в наше общение, что на фоне его честности я почувствовала себя фальшивой.

— Хватит сладеньких речей. Если хочешь отблагодарить меня, покажи класс мастера-оценщика!

Хок кивнул, положил кинжал плашмя на левую ладонь, а правой медленно провёл от рукояти к острию, бормоча заклинание. С каждым мгновением труднопроизносимые, тяжелые звуки слетали с его губ всё быстрее, и кинжал забился на ладони гнома в мелкой дрожи.

Вдруг Хок издал громкий возглас, и клинок сорвался с ладони, взмыв в воздух. Он крутился в вышине, словно в предсмертных муках, а из металла повалил густой чёрный дым. Дым сгущался всё сильнее, обретая очертания, пока от самого кинжала не осталось и следа: сгусток тьмы застыл в воздухе, превратившись в фигуру юноши.

— Самоубийство — тяжкий грех, за такой грех непременно попадешь в ад!

С каких пор этот мир погрузился в тишину? Я молча смотрел на молодого человека. Слабая улыбка, выражение безмятежного удовлетворения — словно он сбросил с плеч все тяготы мира, и больше ничто на свете не тревожило его сердце. Он безмятежно закрыл глаза, позволяя кристально чистой слезе сорваться с ресниц.

Слёзы — удел живых, пытающихся казаться сильными, и горечь, которую мертвецы оставляют позади.

Он выглядел умиротворённым, точно заснувший младенец, которого уже ничто не потревожит.

Острый кинжал некогда был его вернейшим спутником, оборвавшим жизни многих врагов. Теперь же клинок сопровождал его в самом конце пути, покоясь на груди и ставя точку в его скорбной судьбе. В поглощенной тьмой крови, вместе с последним выдохом хозяина, угасло и тусклое лезвие.

— Почему у него чёрные волосы? — ошеломлённо пробормотал Хок, глядя на фигуру из дыма.

— Потому что это его истинный цвет, — тихо ответила я.

Разве волосы не должны быть черными? Передо мной стоял тот самый Секс из моих воспоминаний — с черными волосами и темными глазами. Он не был Лун Сяотянем. И хотя лицом они были копиями друг друга, эту знакомую, горькую тень в глазах я уже видела. Раньше она промелькнула и исчезла так быстро, что заметить её было почти невозможно. Что же превратило его в то, что я видела сейчас? Каких испытаний стоило ему научиться с таким спокойствием встречать собственную боль?

— Не может быть... Это бред! Как он мог выбрать такой уход из жизни? Если уж решил удалить персонажа, почему просто не сделать это в меню входа? Зачем понадобилось кончать с собой и заставлять систему принудительно ударить аккаунт? — гном бормотал рядом со мной, не в силах поверить увиденному.

— Хок, что-то не так? — я заметила, что он потрясён до глубины души.

— Он... он истязал себя... — на глазах Хока выступили слёзы.

Он резко отвернулся, подхватил боевой топор и со всего маху обрушил его на землю. Оружие издало жалобный гул под тяжестью удара.

Боги учили нас, что жизнь бесценна, потому и дается лишь раз. Если не сможешь уберечь её, останется лишь начать всё сначала. Но презреть жизнь и выбрать самоубийство — значит навлечь гнев богов, изгнавших нас из этого залитого солнцем мира навсегда. Так гласит Книга творения, которую зачитывали священники в игровых храмах. Игрок, покончивший с собой в игре, подлежит немедленному удалению персонажа. И пускай в большинстве игр предусмотрены подобные функции, в Ветрах и Облаках процесс самоубийства сопровождается невыносимой болью. Хотя боль от смерти и ранений в игре предельно близка к реальности, система всегда высчитывает болевой порог игрока, чтобы человек страдал, но не сошел с ума. Единственное исключение — самоубийство: здесь разработчики не щадят чувств игрока, наказывая его за легкомысленное отношение к собственной жизни, — говорил Хок, стоя ко мне спиной. По его вздрагивающим плечам я не могла понять, то ли им овладела ярость, то ли он плакал.

— Он был жесток к самому себе, — прошептала я, глядя на парящего в воздухе юношу. Зная, что это всего лишь дымка, я всё равно видела перед собой до жути живого человека.

— Нет, кто-то обошёлся с ним куда более жестоко, раз он решился заглушить боль столь изуверским способом! Ты видела? Его глаза, волосы — они почернели. Это печать скверны тьмы. Кто-то заразил его темной энергией! Обладая Сердцем Света, он нёс в себе чистый свет, поэтому его атаки наносили бонусный урон существам тьмы, но и урон от темной магии по нему удваивался. Посмотри, эта скверна разъедала его плоть изнутри, вот почему он испытывал такие муки! — взревел Хок, резко поворачиваясь ко мне. Его перекошенное от гнева лицо казалось объатым пламенем.

— Хок, тебе нужно успокоиться! — я сочла необходимым осадить его, поскольку вовсе не горела желанием вновь пострадать от его вспышки.

Почувств мой страх перед его неуправляемостью, гном с трудом проглотил ярость и снова уставился на парящего юношу:

— Знаешь... у него были прекрасные золотистые волосы, яркие и полные жизни. Его глаза цветом напоминали чистое небо — такие же бескрайние и мягкие. Губы всегда трогала лёгкая улыбка, будто на свете не существовало преград, способных испортить ему настроение. Любые трудности он встречал с отвагой и решал играючи. Все любили его, он казался безупречным.

Описание Хока показалось мне крайне странным.

<http://bllate.org/book/22015/2288799>